

ВАЛЕРИЙ ЖЕЛЕЗНОВ

Пусть приснится
Земля

Валерий Железнов
Пусть приснится Земля

«Издательские решения»

Железнов В.

Пусть приснится Земля / В. Железнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514467-6

В этот сборник вошли повести и рассказы из цикла «Версии». Все эти произведения объединяет тема нашей планеты и её населения.

ISBN 978-5-00-514467-6

© Железнов В.
© Издательские решения

Содержание

А сон ли это?	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Пусть приснится Земля

Валерий Железнов

© Валерий Железнов, 2020

ISBN 978-5-0051-4467-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А сон ли это?

Глава 1

Ветер порывами срывал с вершушек вол взбитую как крем пену, и швырял её на палубу. Ливень хлестал лицо и спину, бил тяжёлыми каплями, сгибая измученное тело. Дёрганный ритм швартовок на два борта изматывал и обессиливал. Уши глохли от дикого рёва пульповых насосов, рёва вентиляции, грохота цепей, скрежета стали и визга затёртых между бортов кранцев, от крика судовых сирен, рывкающего хриплого мата и команд. Звенели от перенапряжения стальные швартовы, едва выдерживая рывки. Лебёдки стонали и тряслись, набивая троса и подтягивая к борту пляшущие на волнах махины судов.

Но самое жуткое – это вода. Она как дьявол, как неукротимый зверь сбивает с ног, льёт с неба, с надстроек, из-за борта, с вентиляционных кожухов. Ты отплёвываешься от неё, стараешься увернуться, спрятать лицо от потоков мутной воды и грязи, но она проникает всюду. Ты снова и снова отплёвываешься от неё и вновь сгибаешься под обрушившимся на тебя чёрным столбом воды. Даже сам воздух кажется вязким и липким из-за взвешенной в нём воды и грязи.

Конечно, бывает и хуже, но сейчас, ночью, в конце вахты, кажется, что всё вокруг тебя взбесилось и направляет свои силы только против тебя одного. Кажется, что, рвущиеся как нитки, капроновые тросы толщиной в руку хотят ударить именно тебя, а волна налетает именно в то место, где ты стоишь. Да, так кажется. И, кажется, не хватит сил и терпения достоять эту вахту.

Но всему бывает предел, и эта вахта тоже закончилась. Теперь там, в этом мокром ледяном аду работают уже другие люди. Твои обязанности принял на себя другой, а у тебя впереди восемь часов отдыха. Можно расслабиться.

Усталость навалилась на тело как-то сразу, внезапно, стоило только переступить комингс светлого и тёплого коридора. Там, на палубе её не чувствуешь, работа отвлекает мысли, некогда прислушиваться к своему телу, а здесь в тёплом коридоре она сразу же напоминает о себе. Тут тепло, сухо, светло и относительно тихо. Ноги стали ватными, еле держали, и тем приятнее было плюхнуться на диван. Первым и единственным желанием было закрыть глаза и не двигаться, наслаждаясь покоем.

Откинувшись на спинку дивана и вытянув ноги, Валера просидел так пару минут. Но в мокрой и липкой робе не очень-то расслабишься. Приподняв отяжелевшие веки, он стал сдирать с себя прорезиненные доспехи. Стянув сапоги, прошлёпал мокрыми ногами в раздевалку, оставляя у дивана мутную лужу. На всё было наплевать. Развесив в сушилке всё мокрое, поплёлся в каюту, устало глядя себе под ноги. Теперь для полного счастья осталось встать под струю душа, а после завалиться в чистую постель.

От усталости Валера даже не удивился тому, что в каюте горела настольная лампа, и Саня что-то сосредоточенно чертил на листе бумаги. Вокруг него на столе и кроватях были разбросаны уже исписанные и исчерченные листы. Несколько раскрытых книг лежало перед ним. Не удивило и то, что его сосед не спит, ведь уже шёл пятый час ночи.

– Отбомбил? – оторвался Саня от чертежа.

– Да, всё нормалёк, спать ужасно хочется.

– Сейчас Валер, я уже почти закончил.

Не обратив внимания на последнюю фразу, Валера направился в душ. Хлопнула дверь. Щёлкнул замок. Зашелестела вода. Не та озверевшая и грязная, а тёплая и нежная. Ласковые упругие струи обтекали тело, слегка бодря и снимая усталость. Но спать от этого хотелось

не меньше. Не затягивая водные процедуры, он выключил воду. Оставалось только сладко растянуться в постели, и окунуться в дремотное блаженство сна.

Предвкушая наслаждение, закутанный в огромное полотенце, он открыл дверь, и вовсе не обрадовался тому, что увидел. Несмотря на своё обещание, сосед не прибрался и не думал ложиться спать. Саня продолжал сосредоточенно чертить и делать непонятные пометки на полях чертежей. Сгорбленная над столом фигура, зашифрованные письма, чертежи и рисунки в полумраке настольной лампы вместе с сигаретным дымом производили удручающее впечатление.

– Шура, ты что, озверел?!

– А, что?

– Ничего! Убирай всё к чёрту и в тряпки! Я после вахты, спать хочу! Да и тебе скоро на вахту.

– Да, да, сейчас, сейчас. Я уже почти закончил. Сейчас всё уберу и ляжем.

Пока Саня собирал бумаги, Валера присел не край его кровати и взял один из листов.

– Ерунда какая-то, война что ли?

Саня мельком бросил взгляд на лист и произнёс: «Это обходной маневр корпуса Жюно и его взаимодействие с кавалерийской дивизией Лориса.»

– Что?! Ты скоро рехнёшься со своими Наполеонами да Кутузовыми. Тоже мне фанат эпохи наполеоновских войн.

– Оставь Валерий, я сейчас всё уберу. И брось ты этот лист. Это третий вариант, а я уже разработал пятый.

– Эээ брат, да тебе точно нужно к доктору.

Даже сон немного отошёл.

– Не бойся, я нормален до тошноты. Просто я... выиграл Бородинскую битву! — произнёс Александр, лукава улыбнувшись.

– О, ваше величество Александр Великий – съязвил Валера – у вас с головой точно не всё в порядке. Эту битву уже однажды выиграл Наполеон Бонапарт, но вот войну он проиграл. Историю не переделаешь. Так что давай закругляйся великий стратег. Спать пора.

– Ты просто великолепен в своём негодовании – ответил Саша своему оппоненту – но дело в том, что я выиграл это сражение, воюя за Наполеона, и выиграл его как последнее сражение в той войне. Я уничтожил всю русскую армию и тем самым закончил компанию.

– Ого! Как это?

– А вот так. Я, конечно, понимаю, это не патриотично, но Кутузов всё равно уже победил и воевать на его стороне второй раз не зачем. В этом ты прав. Просто я попытался представить себе, что могло бы быть иначе.

– Так ты что же, победил самого Кутузова?

– Нет, я победил не Кутузова, я победил страх Наполеона.

– Ну и ну!

– Да. Я потерял 38 тысяч человек, но армия Кутузова оказалась расчленённой на три неравные части и сейчас у меня осталась только одна, остальные окружены и уничтожены.

– Да вы точно с ума сошли, Ваше Величество!

– Нет, Валера, я просто понял, чем Кутузов оказался гениальнее Наполеона.

– И чем же?

– Да это долгая история, ты, кажется, спать очень хотел.

– После такого уже не хочу. И хоть я ничего не понимаю в твоих войнах, всё же интересно.

Давай-ка выкладывай.

– Ага, интересно! – загорелся Саня – Ну ладно, я постараюсь доходчивее. Итак. Наполеон обломился на своей тактике удара в наиболее слабое место позиции противника, так же как и Фридрих III со своей косой атакой.

– Так что, надо было бить в самое защищённое место?

– Да, Валера, можешь иронизировать, но это так, хотя и кажется полным абсурдом. Впрочем, не всё так однозначно. Есть множество нюансов, однако, результат на лицо. Потеряв 38—40 тысяч пехоты и кавалерии, я разгромил армию Кутузова в 140 тысяч человек. Конечно, это теоретически, но я постарался учесть поправку на самоотверженное сопротивление русских войск и некоторые неожиданности, которые могли произойти в ходе сражения. Я бы ударил всей армией, не оставляя ничего в резерве. Кутузов просто не успел бы сориентироваться, и его резервы были бы разбиты на подходе. Ну, там ещё много чего по мелочам. И мощный удар всей артиллерии и мгновенный прорыв линии обороны кавалерией.

– А что было на самом деле?

– А на самом деле Наполеон потерял 59 тысяч человек и поимел лишь пустые позиции русских и поле боя, заваленное разноцветными кучами трупов.

– Жуть!

– Да, Валера, страшно. Война – это всегда страшно. Страшно на бумаге, а на самом деле ещё страшней.

– Занятно. Выходит ты умнее признанных авторитетов военного дела?

– Пожалуй, нет. Но я не поклоняюсь авторитетам. Я давно увлекаюсь изучением этой эпохи, и всё время пытаюсь поймать этих самых авторитетов на их ошибках. Идеальных людей нет. И они не идеальны. Просто надо мной не довлеет ответственность за судьбы государств, многочисленных армий, и просто опыт былых сражений. У меня нет врагов и критиков. Если я приму неординарное решение, меня никто не осудит. А вот Императору Франции принять такое решение совсем не просто. Он хоть и Император, а тоже многого боялся. Кутузов ведь тоже был стеснён в своих решениях. Он ведь наверняка предвидел сдачу Москвы уже тогда, на Бородинском поле, но предпринял это только в самый последний момент.

– Теперь мне понятно. Зная историю, зная развитие военной науки в дальнейшем, можно выиграть на бумаге любое сражение.

– Отчасти ты прав. Я много перелопатил книг, и мне даже удалось ознакомиться с некоторыми историческими документами. Но то, что я предложил, было известно задолго до этой битвы. Ничего сверхумного. Такие маневры уже применялись и другими полководцами в разные времена. Причём, я не меняю исторического расположения войск обеих армий. Я просто предложил действие, несколько не соответствующее сложившейся тогда традиции ведения боя. Просто неординарное решение проблемы. А вот Бонапарт не смог сломать в себе эти традиции, да и не он один.

– В чём же суть твоего плана? Только попроще и покороче, я ведь не специалист как ты.

– Ну, хорошо, смотри.

И снова по столу задвигались листы бумаги с планами испещренными стрелками ударов и прямоугольниками полков. Оба всё больше распалялись. Один увлечённый своим рассказом, другой, вникая в открывшийся перед ним смысл оригинального плана. Поражённый до глубины души, Валерий произнёс: «Хорошо что тебя там не было, и не нашёлся человек, который смог бы подсказать Наполеону этот план».

– Нда, пожалуй. Неизвестно чем бы всё могло кончиться. История пошла бы по другому пути. И двух мировых войн могло бы не случиться. Да и нас с тобой могло бы не быть.

Оба молча, лежали в постелях, но сон не шёл. В каюте воцарился мрак и тишина, нарушаемая шорохом кондиционера и приглушёнными звуками моря. Валера смотрел в темноту и видел, как оживают, приходят в движение прямоугольники полков и дивизий. Видел обходной маневр при взятии деревни Семёновское, разгром батареи Раевского, захват Багратионовых флешь. Видел как гибнет разбитая на три части армия Кутузова. Дымная пелена застилала глаза, но сквозь дым было видно как отчаянно сопротивляются разрозненные русские

части. Сквозь разрывы картечи открывалось поле боя, усеянное трупами. Дыма становилось всё больше и больше, и скоро уже ничего нельзя было различить в нём.

Приближалось утро. Забрезжил рассвет. Открытые глаза создавали впечатление, что он не спит, и только ровное тихое дыхание указывало на обратное.

За бортом бесились волны, остервенело пытаясь пробить борта, хлестал дождь, рвались цепи и стонали кранцы, а в тёмной каюте было тихо и темно. Люди отдыхали перед вахтой и готовились к новой схватке со стихией, как будто солдаты грелись у костров и набирались сил перед решающим боем.

Глава 2

Пламя постепенно охватывало большие сучковатые поленья, ветер, порывистый и влажный днём, к вечеру затих и затерялся где-то меж стволов угрюмого Утицкого леса. Огромный лагерь понемногу стал успокаиваться и затихать. Солдаты и младшие офицеры устраивались у костров на короткую летнюю ночь. Возбуждение, охватившее всех после боя у Шевардина, сменилось внешней апатией и немного нервозным деланным равнодушием. Как будто по уговору все вдруг перестали выяснять сколько человек осталось от 111-го линейного полка и почему Дессе не был брошен на помощь измотанным в бою частям генерала Компана. Конная и пешая артиллерия перестали лаяться из-за позиций и неразберихи с обозами. Теперь лишь единицы бродили по лагерю, выясняя на глаз сколько и каких войск поставлено рядом, прикидывая какие части и в какой последовательности будут брошены гением императора завтра на русские позиции. Большинство же солдат как-то сразу потеряло интерес ко всем этим делам и укладывалось спать. Языки заплетались, тяжелели руки и головы. Измученные солдатские мышцы мечтали, как о благе, о трёх – четырёх часах сна.

Неугомонный солдат нашёлся и в отряде Клода Шастеля. Лейтенант вольтижёр 33-го лёгкого полка уже укладывался около костра, когда Луи-пикардиец присел к костру, и, распакующая ранец, начал быстро выбалтывать новости.

– У редута гульба идёт, гвардия и резервная кавалерия шампанское из запасов грохают. Видно к утру только успокоятся. Кстати, позади нас этих дармоедов – польских улан поставили. Тут рядом ещё 9-й полк из кавалерийской банды Жерадена. У них тоже пьянка. Если завтра всё пойдёт нормально, то эти уланы встретятся с польскими уланами под русскими знамёнами. Вот будет потеха: паны за нас и паны за них!

– Да, нечего сказать, весело – проговорил хриплым голосом лейтенант и откинулся на шинель.

– Я ещё ни разу не видел как пан с паном режется, завтра обязательно посмотрю как у них это получится.

– Наглядишься, ещё надоест – сержант Анри из Тулузы сплюнул на горячий пепел и поёрзав немного улёгся головой на ранец, накинув на голову полог шинели.

Луи, не обращая внимания на общее равнодушие и сонливость повествовал дальше:

– Слева от нас весь корпус Нея. Потом, ещё дальше, аж в лесу, стоят немцы Жюно.

– Луи, а где конница Вельварта? – из-под шинели спросил лейтенант.

– А они стоят за дивизией Ле-Дрю, а те, за 1-м Португальским батальоном, который опирается справа в наш 108-й линейный, господин лейтенант.

Шастель откинул вдруг шинель и сел, тупо глядя на полыхающий у ног костёр. Луи, ошарашенный вниманием лейтенанта к своим новостям, трепался уже без умолку, теряя секунды лишь на вздохах.

– Дивизии Лорана и Жерара поставили слева от немчуры Нея и Жюно. Видать подгонять их собираются завтра, мало ли что. Потом немцам в хвост корпус Нансути смотрит. Чуть что, с тыла пять тысяч сабель подпирают, всё продумано. Немец, он в городе хорош как вояка. Это я давно заметил. Прёт как очумелый, до добра и баб рвётся, а как в поле, так его в зад пинать приходится. Знать привыкли под плетью в огонь шагать.

– Подожди Луи, не тараторь. Где остальные корпуса Мюрата?

– Там же, чуть подальше Нансути стоят Монбрэн и Латур-Мобер.

– А где Груши потерялся?

– Ну, его ещё вчера к Богарне определили, господин лейтенант. Мне знакомый драгун из 7-го полка дивизии Ла-Гриссе говорил. Фурье – смешной такой малый, мы с ним в Бранденбурге однажды раздели алтарь в кирхе одной. Только всё по мешкам и ранцам растолкали,

смотрим, к кирхе этой толпа губошлёпов из ландштурма катится. Нас-то там четверо было, а их человек 50 – 70 и у половины ружья. Чуть не обложились мы тогда собственным дерьмом в кирхе этой, еле ноги унесли.

– Подожди Луи, опять тебя заносит – лейтенант хлебнул воды из фляги, помолчал и спросил – Луи, ты не помнишь сколько кавалерии у Богарне?

– Как же, дивизия Орнано, потом гвардейский драгунский и драгуны королевы. Кажется всё.

– Да, действительно, кажется всё. Слушай, а где Вестфальские гусары Шобера, наверное сразу за нами стоят?

– Нет господин лейтенант, этих орлов загнали под охрану Молодой Гвардии. Они же провинились два дня назад, вот теперь их и охраняют что бы не разбежались.

– Этих немецких красавцев не грех и под стражу посадить – сержант привстал с шинели, поправил ранец, саблю и добавил – колбасников я знаю ещё с 99-го года и ничего хорошего о них сказать не могу. И ещё, зря, мне думается, поставили вместе 20 тысяч немцев, добра от этой толпы ландскнехтов я не жду.

Сказав это, Анри вновь улёгся, отодвинув ноги от пылающего костра, и накинул на лицо широкую португею так, что бы она закрывала от света.

Клод уже собрался тоже завалиться спать, но вдруг увидел знакомого офицера. Жуан Кортель был одногодок Клода. Им обоим исполнилось 24. Они вместе воевали в Польше, и там сдружились. Клод махнул рукой и друг его заметил.

– Эй Клод, дружище, не торопись укладываться спать. У меня есть кувшин русской настойки. Кажется это адское зелье, всего понемногу, но довольно вкусно. Это подарок Роже из 3-го конноегерского, давай опустошим этот сосуд!

Жуан присел около друга и они обнялись. Клод достал хлеб, ветчину и яблоки. Его друг протянул ему кувшин и после него глотнул сам. Затем он откинулся назад и медленно, словно с усилием, выпрямил ноги, протягивая влажные сапоги к огню. Клод сразу заметил, что веселье друга напускное, что где-то внутри, под синим, шитым серебряными галунами офицерским мундиром, укрылся съёжившийся усталый человек.

Он не стал лезть в душу друга своими расспросами. Захочет, расскажет сам. И точно. Когда русская крепкая настойка ударила в голову, кровь побежала по жилам быстрее, потянуло на откровенность.

– Клод, ты ведь знаешь, я два месяца как вернулся из Анжу. Я тебе ещё не рассказывал про свой отпуск?

– Нет, ты почти ничего не рассказывал.

– Ну да, ведь мы воевали, у нас не было времени на разговоры. Но ничего, хоть я и не мастер красивых слов, сейчас я тебе всё расскажу, – отхлебнув ещё глоток из кувшина, Жуан продолжал. – Как я обрадовался, когда меня послали домой с поручением командующего. Ведь уже больше года я не был там. Я видел свою малышку, которую полтора года назад родила мне Сюзан, совсем крохой, завернутой в ворох кружев. Спеша домой я всё гадал, какой она стала. Но перед дверью меня охватила нерешительность, или даже страх. Нет, я не трус, ты же знаешь. Мы солдаты Франции и Императора, нам бояться не положено. Я никогда ничего не боялся, и смерти не боюсь, к этому нас готовили с детства. Но тогда я застыл в нерешительности. А вдруг меня забыли? А вдруг дочь меня не признает? И знаешь, когда я вошёл, она не испугалась, а лишь смотрела настороженно, стоя вполоборота, готовая убежать прочь, но оставалась на месте, что бы рассмотреть дядю в синем и серебре. Ноги сами подкосились, и я рухнул на колени, протянув руки к моей Клотильде. А она всё смотрела недоумённо на меня, маленькая, взъерошенная, в большом неудобном платье. Сюзан тоже стояла в растерянности, ведь я не предупредил о своём приезде. Она лишь чуть подтолкнула девочку и шепнула ей:

«Клоти, иди. Это твой папа, он хороший и добрый, он так хотел увидеть тебя. Иди моя девочка, не бойся, иди к папе, Клоти.»

Девочка посмотрела на мать, на меня, и, шагнув два шага маленькими ножками, остановилась между мной и Сюзан. Тогда жена заплакала, и, подхватив дочь на руки, сама бросилась в мои объятия. Я прижал её и ребёнка к себе. Так мы и стояли на коленях, обнимаясь. Сюзан плакала, и слёзы её капали на серебряных орлов. А дочка сидела у меня на руках и, казалось, принюхивалась, пытаясь понять, чем же пахнет этот дядя, которого так любит мама. Ты мне друг Клод и я тебе скажу честно, я плакал редко, в детстве, и всегда стыдился этого, но в этот раз я не сдержал слёз. Они текли по щекам, и мне не было стыдно. Мне стало ужасно горько и больно за наши исковерканные войной жизни, за одиночество наших жён и детей. К родителям я не поехал. Времени не было, да и побоялся, что там будет ещё тяжелее. Но они сами примчались через день, слухи бегут впереди нас. В Анжу я пробыл всего четыре дня.

– Я знаю Жуан, ты говорил.

– Так вот, в день отъезда было пасмурно, и с утра зарядил дождь. А мне всегда везёт в дождливую погоду. И представляешь, пакет из Тулузы, который я должен был доставить в Варшаву, прибыл только вечером. Так что мне посчастливилось пробыть с женой и дочкой ещё почти целый день.

– Тебе было хорошо с ними?

– Не то слово! Описать бы это счастье стихами, но я, к сожалению, не поэт, я привык командовать солдатами и выполнять приказы командира. Как ты сам понимаешь, мои наезды раз в год на несколько дней, по служебным делам, больше тревожат душу, чем приносят радость. Я-то офицер, служба – это мой долг перед Родиной и Императором. А каково ей? Она без мужа растит дочь, ребёнок растёт без отца. Родители, конечно, помогают, но это другое. Ты вот пока не женат, тебе легче.

Друзья замолчали. Оба словно застыли. Разговор прекратился сам собой. Не было душевных сил продолжать это самоистязание. Лагерь почти уснул. Многие костры начали гаснуть. И даже от Шевардина уже не неслись в ночь, на спящую равнину пьяные крики и радостные вопли торжествующей гордыни.

– Клод, – Жуан медленно разжал твёрдые сухие губы – если русские завтра здесь лягут все, как думаешь, долго мы ещё будем маршировать по этой варварской стране?

– Пойми Жуан, Российская Империя огромна, и если 50 или 40 тысяч русских уйдут завтра на восток, и если они, с перепугу, что вряд ли, не запросят мира, то нам ещё лет десять придётся воевать здесь. На этих бескрайних просторах даже такая великая армия как наша, вполне может потеряться.

– Да уж, безрадостную перспективу ты нарисовал. Давай выпьем за то, что бы этого не случилось. Больше двух лет такой войны я не протяну, сойду с ума если не погибну.

– Кстати, ты обратил внимание, как расставлены наши войска? Наша армия почти целиком нацелена на левый фланг русских позиций.

– Разве, а я видел уходящий на север корпус Богарне, за ним потом потянулся Груши, а потом двинулись дивизии Морана и Жерара – пожав плечами ответил Жуан.

– Ну, друг мой – протянул Клод – посмотри, это же всего тысяч 30, а остальные 80 все здесь, на нашем правом фланге.

– Да, пожалуй. Видимо Император желает сломить русских именно здесь.

– Мне тоже так кажется, и говоря честно я не слишком уверен в победе при таком раскладе. Хотя, впрочем мне в голову пришла одна мысль. Я ещё вчера об этом думал, а сегодня, после расстановки наших сил, мне эта мысль показалась удачной.

– То есть? – Жуан с вопросом посмотрел на друга.

– Вчера Даву коротко объяснил примерный план сражения, как он ему представляется со слов Императора. Так вот, расспросив солдат из секретов и изучив расположение наших

и русских частей, я пришёл к неутешительным выводам. Если мы завтра выиграем сражение, то это дастся нам ценой огромных потерь.

– Почему ты так думаешь, Клод?

– Дело в том, что для полной победы в этой компании необходимо уничтожить всю русскую армию. А без генерального сражения этого сделать невозможно. Значит завтра мы должны истребить их всех. Иначе Кутузов измотает нас в мелких стычках, отходя всё дальше в глубь страны. И поверь мне, Император не сможет контролировать столь обширную территорию, если на ней останутся русские войска.

– Ну так уничтожим их завтра. Наш гениальный корсиканец уже давно всё продумал за нас. А уж нам храбрости не занимать.

– Видишь ли мой отважный друг, простым столкновением двух армий мы не решим исход войны. Тут нужен неожиданный подход. Для полного уничтожения армии русских нам необходимо отказаться от резервов, святая святых военной науки. И ударить сразу всеми силами в одно место.

– Ну, знаешь, это...

– Подожди возражать дружище, лучше послушай что я тебе скажу. У нас сейчас 134 тысячи, а у Кутузова более 140. Этот русский фельдмаршал опытный полководец и он расположил свои войска весьма хитроумно. Он сильно ослабил свой левый фланг, то есть армию Багратиона, и Император заметив это, нацелил туда всю громаду наших сил. В этом и скрыт, по моему, замысел русского командующего. Он постепенно, по мере усиления наших атак на левом фланге, будет снимать войска с других направлений, и перебрасывать их на подкрепление. Конечно, идя ускоренным шагом, дивизии придут на позиции усталыми, но они будут обороняться, неся меньшие потери, чем мы.

– Ты так говоришь, будто уверен в этом.

– На его месте я бы сделал именно так.

– Ха, но ты не командуешь армией, у тебя под командой нет даже полка.

– О да, в этом ты прав, старина. Я всего лишь лейтенант. И тем не менее, что бы воспрепятствовать такой переброске войск противника, нужно уже первую атаку начать на пределе возможности, без резервов. И начать необходимо рано утром, на рассвете, как только артиллерия сможет вести прицельный огонь. А так же атаки всех остальных пунктов русских укреплений необходимо начинать одновременно, доведя концентрацию сил на узлах боя до максимальной величины.

– Например?

– Пожалуйста, смотри – Клод взял прутик, и расчистив перед собой землю от золы, быстро набросал план расположения войск – вот, на деревню Бородино нужно бросить все 30 тысяч, что окажутся под рукой у вице-короля. И бить не в лоб, а с флангов. Окружив кавалерийскими дивизиями позиции русских полков. Но начать нужно с артиллерийского удара, и бить пока наши не подойдут к их позициям. Тремя пехотными дивизиями атаковать противника по фронту. И тогда за полчаса слабое русское прикрытие на берегу Колачи будет сметено и уничтожено. В результате такой молниеносной атаки русские просто не успеют подогнать резервы к Бородино. Минут 20 только уйдёт на посылку нарочных с донесениями и приказами, на размышления командующего и так далее. Тем более, связанные атаками других пунктов, они не сразу поймут куда же важнее бросить резервы.

– Ну а ещё?

– Хорошо. На центр я бы направил весь корпус Даву и весь гвардейский корпус, придав им 5 тысяч кавалерии Нансути и доведя численность орудий до 230-и.

– Какая мощь!

– Да, это более 60-и тысяч отборных войск. Они общей атакой за час уничтожат все русские войска на этом центральном направлении.

– Здорово!

– Ты понимаешь, Жуан, в 5 часов 40 минут на узком участке фронта в половину лье мы бросаем в бой более 80-ти тысяч солдат при 340-ка орудиях. Этот сверхкорпус лучших сил армии уничтожит любого врага, кто бы перед ним ни стоял.

– А дальше, дальше, Клод?

– Дальше ещё интереснее!

Офицеры распалились. Молодые головы пьянила русская настойка и фантастическая мысль закончить битву до полудня и тем самым выиграть компанию, положить конец этой ужасной и самой кровопролитной войне.

– Отлично Клод, это здорово, просто гениально! – Жуан был в восхищении.

– Да господа, это очень интересная мысль, но согласитесь, очень рискованная.

Офицеры резко обернулись на твёрдый спокойный, с повелительным оттенком голос, и тут же вскочили на ноги. Перед растерянными офицерами стоял сам Император Франции. Он смотрел в их лица спокойно и внимательно. Казалось он ещё продолжает прислушиваться к смелым идеям вольтижёра.

– Ваше императорское величество, мы с другом всего лишь мысленно хотели представить возможные варианты сражения, если Вы изволите его дать – медленно произнёс, собравшись с мыслями, Жуан, у которого лёгкий хмель быстро улетучился из головы.

– Ну разумеется, господа, и заранее распределили все силы моей армии. Впрочем, мне нравится, что и младшие офицеры моей армии могут мыслить не ординарно. Ваша идея лейтенант любопытна, но весьма опасна – Наполеон обернулся к сопровождавшим его офицерам и продолжил – а впрочем самые безрассудные решения порой приносили самые поразительные результаты. Что же касается резервов, то довольно давно я пришёл к выводу о том, что чрезмерная забота о резервах и тыле сковывает полководца. Пример такой скованности, при известной степени наблюдательности вы можете обнаружить у Антония или у австрийского эрцгерцога. Но я не только главнокомандующий, я ещё и Император Франции. Ответственность лежащая на мне, не позволяет мне поступать безрассудно – он снова обернулся к молодым офицерам и закончил – Всё господа, прощайте, и будьте завтра мужественны и пылки как настоящие воины и истинные французы.

Глава 3

Солдаты стояли в боевом строю, поёживаясь от утреннего тумана. Из-под козырьков киверов смотрели глаза, тысячи глаз. Но Клод не смотрел в эти глаза, ему не нужно было в них смотреть. Он знал: там то же, что и в его глазах.

– Сейчас ребята, сейчас, скоро будет дан сигнал – успокаивал он больше себя, чем их.

Лейтенант смотрел по сторонам, оглядывая тысячи синих мундиров, застывших в ожидании начала. В теле чувствовалась нервозность, какая-то неприятная мелкая дрожь. Он знал по опыту, что как только будет дан сигнал к атаке, всё пройдёт. Он испытывал это уже не раз. «Скорее бы уж началось, чего он тянет?» – мысленно подгонял Клод того, кто должен был бросить его и его людей вперёд.

И вот залп! Сзади, у Каменки, орудия залились огненным воем. Сотни раскалённых ядер понеслись в стан врага.

– Солдаты, за Францию, вперёд!

Подгонять ни кого не надо было. Сборная дивизия из семи тысяч лучших вольтижёров Европы с воем бросились в тёмный сырой лес. Удар был страшен. Передовые секреты егерей просто смели не убивая, опрокинули и дальше, вперёд. В лес! В этот жуткий и топкий могильный лес. Стреляя залпами и по одиночке, ведя огонь по всем направлениям, сбивая кустарники и иссекая свинцом стволы деревьев. Впереди офицеры и знаменосцы, путаясь в зарослях, рубя клинками и пробивая дорогу штыками, тучи вольтижёров втягивались в лес.

– Вперёд ребята, живей! – Клод кричал не жалея связок – помните солдаты, успех всей атаки зависит от нас!

Клод рубился, отбивался, резал и отскакивал от русских выстрелов и штыков, ругаясь он вёл своих солдат в смертельный бой. Драка с егерями занялась сразу со всех сторон, и в лесу схватились в ожесточённой рукопашной схватке почти тринадцать тысяч человек. Дрались страшно, с дикой злобой и невообразимой жестокостью, разя врага чем только удавалось. Душили, резали, рвали лица руками, топтали упавших, добивали раненных и кидались на новых врагов. По всему лесу стоял ужасный шум. Сталь билась о сталь, рвала мундиры и жаркую живую плоть. Хлопки выстрелов сливались с воплями умирающих. Вольтижёры теряли по десятку на каждом метре. Они шагали по трупам врагов и друзей, лезли вперёд не зная преграды, заливая лес своей и вражеской кровью.

– Вперёд! – хрипел Клод, размахивая покорёженным окровавленным клинком. – Вперёд солдаты! Чёрт вас подери! Вперёд во имя всего! Наши идут по кромке леса прямо на батарею... – он увернулся от удара штыком, отрубил правую руку егеря, отпихнул ногой поверженного врага, и обернувшись крикнул своим солдатам – Только вперёд, иначе нам конец, мы бьём их!

Солдаты не отвечали, да и мало кто слышал его крик, сходясь на штыках, стреляя в упор, рубясь палашами, они скорее чувствовали присутствие своего командира и пробивались вперёд, спасая себя, честь и атаку, в которую бросил их маршал Даву.

А русские отходили, отбиваясь и убивая лезущего на пролом, сквозь огонь и бурелом, упорного француза. Сумасшедшая атака в крови и ужасе продолжалась, а великая битва ещё только началась. Лес уже горел, но ни егеря Шаховского, ни вольтижёры Даву не думали уступить его. Бешеная резня шла теперь в дыму. Противники стоили друг друга. Они не знали пощады, искренне веря, что умирают за правое дело.

Клод разбил обе ноги и исцарапал лоб. Кровь стекала по лицу за ворот, кивер сбили, мундир стал липким от пота и крови, сочившейся из раны на боку. Весь он был испачкан грязью и изодран. Ножны лейтенант выбросил ещё в начале атаки, и теперь, посреди леса, не раз уже раненный, он рубился своим страшным для врагов клинком. Спасая себя и губя других,

он уже не кричал, а хрипел всё зовя и зовя солдат вперёд, на простор, на выход из леса, который должен был показаться за спинами русских егерей. Ругань, кровь, стоны и крики, клинки, штыки, разодранные окровавленные мундиры, оскаленные зубы и распахнутые в предсмертном ужасе глаза. Через всё это только вперёд, сметая врага, давя раненных, вырывая у мёртвых ещё заряженное оружие, душа и кусая, но только вперёд. Презирая смерть и трусость, через горы трупов, и чавкая под ногами кровавой жижей, к выходу из этого проклятого леса, ставшего огромной могилой для тысяч, вчера ещё живых людей.

Изо всех сил Клод ударил эфесом сабли по глазам ринувшегося на него солдата. Тот бросил ружьё, и, схватившись руками за окровавленное лицо, повалился на него.

Тело уже плохо слушалось, и увернуться он не смог. Они упали. С большим трудом лейтенанту удалось оттолкнуть тело егеря. Сил уже не осталось, но нужно было встать. Еле удерживаясь на ногах, опираясь на саблю, он выпрямился. Пуля молча ударила его в грудь. Прямо в сердце. Выстрела он не слышал. Взмахнул руками и упал навзничь. Смерть была мгновенной и пришла как избавление от мук. Его жизнь держалась на такой тонкой ниточке, что оборвать её не составляло никакого труда. Он упал рядом с пораженным им, живым ещё, русским солдатом.

А роты идут вперёд. Есть только приказ. И ещё есть подкрепления. Но должен же быть предел убийству и безумию, должен быть, но не сейчас и не здесь. И нет передышки, а есть только новые солдаты, идущие на прорыв, обходя горы трупов, обгаженных, окровавленных и исковерканных до ужаса. Опять солдаты идут вперёд. Но это уже не вольтижёры, тех уже нет, они все легли вместе с егерями. Они лежат обливая друг друга кровью. Тринадцать тысяч сердец навсегда замолкли в этом лесу.

Глава 4

Работа в центре шла как обычно. Уже многие годы группы обслуживания сменяли друг друга, проводя исследования и опыты, просчитывая процессы и обеспечивая эти труднейшие и энергоёмкие операции.

Очередная команда перехвата, приняв дежурство у предыдущей смены, расположилась в комнате отдыха. Четыре человека убивали время кто как мог. Уже около восьми лет специальным командам из особого отдела охраны Переноса не было работы. Но служба есть служба, и четверо профессионалов готовы были в любой момент приступить к своим прямым обязанностям: перекрыть канал временного Переноса и встать на пути людей, которые ради наживы, избегая наказания, или просто по неосторожности могли перешагнуть барьер своего настоящего.

Восемь лет назад, группа исторических мародёров пыталась перенестись в четырнадцатый век, и при их задержании погиб оператор ЦПУ. Тогда-то и были прекращены эксперименты с переносом человека во времени, а канал Переноса стали охранять специальные команды перехвата. Все понимали, что даже малейшее вмешательство в ход истории может повлечь за собой непредсказуемые и даже трагические последствия для человечества. Теперь во времени перемещались автономные аппараты – «привидения», как их называли, которые вели записи и доставляли их заказчикам.

Двадцать секунд назад, по команде с поста штатных операций, робот начал осмотр и профилактическую регулировку лучевой системы входа в перенос. Такие операции были отработаны до мелочей и крайне просты. В это время войти в Перенос было невозможно, но протекала эта операция всего одну минуту. Всё просчитано и ни у кого это не вызывало тревоги. За одну минуту мало что могло произойти и по этому никто из команды не обратил внимания на вспыхнувшее на пульте сигнализации табло: «Вход в канал занят!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.